

дение] – журнал, в который в учебных заведениях заносились проступки учащихся; существовал в ряде стран в середине 19 – начале 20 в.»¹.

Подводя итоги появления уже устаревшего слова *кондуит* ‘книга для записи проступков учащихся’, следует еще раз подчеркнуть, что оно появилось как производное от прилагательного в сочетании *кондуитный список*, заменив его. Само же прилагательное со значением ‘относящийся к поведению’ было образовано от существительного *кондуит* ‘поведение’, которое в XIX в. уже почти не употреблялось:

кондуит ‘поведение’ → *кондуитный список* → *кондуит* ‘книга для записи проступков’.

В связи с изложенным представляется некорректным слишком схематичное выведение прилагательного *кондуитный* из современного существительного *кондуит* в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова:

конду́ит

конду́ит-н-ый, –².

Новейшие словари сохраняют все недостатки предыдущих, это касается как этимологии, так и бездумного повторения потенциально возможного прилагательного без подтверждений цитат: «Конду́ит [< фр. *conduite* поведение]. *ист. Журнал*² с записями проступков учащихся или военнослужащих. Кондуитный — относящийся к кондуиту, кондуитам. || Ср. матрикул¹ (матрикула¹)»³.

В результате рассмотрения истории трактовки слов *кондуит* → *кондуитный список* → *кондуит* в разного рода русских словарях можно сказать, что лексикографические справочники при критическом к ним отношении и перепроверке их данных вполне могут дать надежный материал для истории слова.

Н.И. Zubov

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ СГУЩЕНИЯ И ИХ СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПИКИ: К ТЕКСТОВОМУ ПОНИМАНИЮ ДРЕВНЕРУССКОГО ХУЛА

Лексико-тематическими сгущениями условимся называть некоторую относительно заметную совокупность языковых единиц (лексем, словосочетаний, выражений) в текстах, которые относятся к определенной теме и сигнализируют о существенной значимости этой темы в общественном дискурсе⁴. При этом базовые концепты⁵ темы и стоящие за ними оценки описываемой ситуации можно определить как ее семанτικο-аксиологические пики.

¹ См.: Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М., 1979. С. 250.

² Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка, т. I. М., 1985. С. 463.

³ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25000 слов и словосочетаний. М., 1998. С. 346.

⁴ Ср.: «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» (Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 4).

⁵ В данной статье мы понимаем термин *концепт* приблизительно так, как это предложено Д. С. Лихачевым (Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 52, №1. М., 1993. С. 3–9).

Эти предварительные рабочие замечания позволяют перейти к обозначенной названным проблематике статьи. Очень часто древнерусские тексты при их яркой полемической и оценочной доминанте представляются для современного исследователя уклончивыми в определении непосредственного объекта критики и его негативной оценки. Объяснения этому следует искать в самом способе изложения мысли древнерусским церковным книжником, который пишет о вневременном, вечном, когда конкретность инвективы приземляет эту вечность. С другой стороны, средневековому поведению (в том числе и речевому) присуща высокая степень этикетности, аллегоричности, иносказания, что тоже обуславливает внешнюю уклончивость от прямой оценки.

Будучи вплетенными в общественный дискурс своего времени, церковные тексты сохраняли в общем виде свою понятность для аудитории, которой адресовались. Но по мере того как такие тексты, теряя свои дискурсивные параметры, становились фактом истории, они постепенно теряли и свою глубинную, подспудную содержательность для читателя последующих времен. Для современного исследователя эта глубинная содержательность может остаться незамеченной при общем обманчивом впечатлении смысловой прозрачности древнерусского текста. Подобная обманчивость зиждется в первую очередь на том, что, прочитывая как бы знакомые и «понятные» языковые формы древнерусского текста, исследователь невольно пользуется осовремененным наполнением связанных с ними концептов, тогда как древнерусское наполнение существенно расходится с современным¹.

В свете сказанного наше внимание привлекает лексика древнерусских источников, отражающих отголоски событий XII в., связанных с политикой Андрея Боголюбского и деятельностью самозванного епископа Феодорца во Владимиро-Суздальской земле, а именно конкретное содержательное наполнение слова *хула* в контексте тех событий: Феодорец был беспрецедентно люто казнен в Киеве, «зане хулу измолви на богородицу».

Не останавливаясь на изложении деталей², отметим только, что Феодорец со всей очевидностью пытался обосновать некоторые богословско-догматические положения, которые шли вразрез с церковной догматикой. Современные исследователи согласно говорят о некоем языческом ренессансе, когда христианская Богородица стала отождествляться с языческими рожаницами³. Поскольку ни прямых, ни косвенных указаний на этот счет древнерусские тексты не содержат, вопрос о язычестве Феодорца, поддерживаемого какое-то время Андреем Боголюбским, следует считать открытым для дискуссии.

Сомнительность выводов о языческой ориентации правящей феодальной верхушки Владимиро-Суздальского княжества заключается уже в том, что, как известно, князь Андрей Боголюбский добивался у Византии признания в Суздальской земле независимой от митрополита епископии или особой митрополии, а Феодорец претендовал на признание

¹ Проблема известна в науке – см., например: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. Л., 1983; *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; *Данилевский И. И.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998; *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М., 1990.

² Подробнее см.: *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг (из истории русско-византийских отношений в XII в.) // Византийский временник. 1962. Т. 21. С. 29–50; *Он же.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Там же. 1966. Т. 26. С. 190–218.

³ См., например: *Левашин Л. В.* Позиция Кирилла Туровского в деле Феодорца Ростовского и ее отражение в «Слове на сбор святых отец» // Герменевтика древнерусской литературы: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1989. С. 106–122; *Милюков В. В.* Древнерусское еретичество в идейно-политической борьбе второй половины XII столетия // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. С. 5–28; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 775; и др.

Византией его, Феодорца, на этой митрополичьей кафедре. Ввиду переписки князя с Константинополем по этому поводу языческая ориентация вряд ли могла способствовать успеху княжеских начинаний.

Анализ лексики древнерусских памятников¹ позволяет, на наш взгляд, считать, что Феодорец уклонился от одного из центральных богословских догматов – от догмата о непорочности и девстве Богородицы. В этом пункте самозванный епископ восстановил против себя Киев, с одной стороны, а с другой – князя, при активной поддержке которого начал к этому времени активно складываться владимирско-суздальский культ Богородицы.

Рассматриваемое место летописания привлекает внимание большой насыщенностью упоминаний Богородицы, из которых приведем только некоторые для иллюстрации: *милости Божии празднуемъ и пречистыа его Матере; икону пречистыа Богородици и животворящий крестъ Христовъ; предъ образомъ Божиа Матере и честнаго креста; пресвятая Госпоже Владычица Богородица, рожшиа Христа Бога нашего; Владыко Господи Исусе Христе Боже нашъ молитвами пречистыа ти Матере ... помози намъ; да прославится пресвятое имя твое и пречистыа твоеа Матери; целовавшие образъ пречистыа Богородици и честный и животворящий крестъ; И виде ... отъ образа пречистыа Богородици луча огнены исходяща; и благодарственная Господу Богу и пречистей его Матере воздаша²; церковь заложи камену Успение пречистыа Богородицы соборную; Имяшетъ бо велику любовь святей Богородицы³; Совершена бысть святая церковь соборная пречистыа Богородици Успение; къ пречистей Богородице приведе ему Господь Богъ ... мастеры⁴; И даде Господу Богу, и пречистей Богородице ... много стяжания⁵ и т.д.*

Разумеется, подобная лексическая насыщенность связана с предметом повествования и сама по себе не привлекает особого внимания в силу очевидной понятности. Однако уже в приведенных примерах надо все же обратить внимание на постоянную парность Иисуса Христа и Богородицы, постоянное подчеркивание идеи ее материнства и непорочности. Это тоже как бы не обладает выделенной семиотической нагрузкой, поскольку речь идет о фундаментальных положениях христианской догматики.

Показательно, однако, в данном случае именно это постоянство в преследовании темы: автор летописной редакции руководствуется, по-видимому, важной для него мыслью. Достаточно убедительно это проявляется в редакторской работе над включенным в летопись текстом грамоты патриарха Константинопольского Луки Хризверга Андрею Боголюбскому. Грамота сохранилась только в древнерусском переводе в краткой и пространной редакциях. Последняя как раз и представлена в летописи. Сопоставление показывает, что при явной и подчас буквальной близости мест обеих редакций летописная редакция характеризуется усилением богородичной темы.

¹ В части летописания мы останавливаемся здесь на Патриаршей, или Никоновской, летописи в пределах повествований о происхождении праздника Честного Креста 1 августа в честь победы над казанскими татарами и взятия города Бряхимова на Каме (один из начальных эпизодов развития владимирского культа Богородицы) до убийства князя Андрея Боголюбского, изложенных здесь под 1157–1176 гг.

² См.: Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9–10. М., 1965. С. 210. Здесь и далее древнерусское письмо передается средствами современной графики, в скобках подаются сокращения или написания под титлами.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Там же. С. 221.

Краткая редакция

в твоей земли твоимъ почитаниемъ благочестье умирается;

яко мнози по местомъ молебныя дома создалъ еси Богу!¹...

Полная редакция

яко въ твоей земле *Божиею благодатию и милостию, и пречистыя Богородици помощию* ... благочестье распространяется;

яко по многимъ местомъ святыя церкви и честныя монастыри создалъ еси *Христу Богу и пречистей Богородице; и сие по велицей вере твоей къ Господу Богу и пречистей Богородице и о благихъ делехъ твоихъ зело благодаримъ*²...

Дальнейшие параллели только подтверждают эту линию пространной редакции. Более того, изложив грамоту по тексту краткой редакции со своими дополнениями, летописец продолжает богородичную тему в противовес *инемъ чрезъ законъ поучениемъ*. Примечательно, что летописец в этой связи подробно излагает православные христианские взгляды на Богородицу, ср. *Христось бо печати девства не вреди, отъ девы родися* и др. места³.

Итак, под 1160 г. в Патриаршей летописи на острие критики находится Феодорец с его «иными через закон», т.е. незаконными, неканоническими поучениями. Далее, под 1171 г. сообщается, что Феодорец получает епископство Ростовское. Одним из радикальных его шагов было то, что он *въ Володимери вся церкви затвори, и не бысть пеня во всемъ граде Владимери и въ соборной церкви пречистыя Богородици златоверсей, въ ней же чудотворная икона пречистыя Богородици стоитъ*⁴. Когда же, согласно летописи, князь Андрей вмешался в события, то Феодорец *же не точию князя поруганми и укоризнами обложжи, но и на пречистую Богородицу хулу изглагола*⁵. Отправленный князем в Киев на испытание к митрополиту Феодорец *гордостию взимаешся, и неподобное глаголаше, и законъ божественный укори, и на самого Господа Бога и на пречистую Богородицу хулу изглагола*⁶. Далее тема хулы и богохульства Феодорца в тексте неоднократно варьируется вплоть до церковного приговора и казни гордого отступника.

Какова же могла быть позиция Феодорца во взглядах на Богородицу, почему он был против ее культа и какую хулу мог он изречь на нее? Здесь мы и сталкиваемся с той уклончивостью древнерусских источников, о которой речь шла выше: древнерусский концепт хулы в связи с Феодорцем конкретно не очерчен. Тем не менее, в свете изложенного летописью есть возможность наметить абрисы данного концепта, выходя на гипертекстовый уровень. Дело в том, что слово *хула* и близкие его эквиваленты в связи с культом Богородицы встречаются в древнерусских текстах и в других случаях. Один из таких памятников находим в издании Н.С. Тихонравова:

Лаодикийского сбора

Еже имъ поведает ангель. церкви Лаодикийския. творимое дело злыми человеки и галголяше ангель. Горе. горе человеком тако творящемъ. иже есть ненависть богу и во гневъ богородици. иже от неразумья деюще. неподобное и непотребное. мнящися честь творяще господа богородици. ставяще трапезу крупичьтыми глебы. и сыры. и черала наполняюще вина добровоннаго. и творяще трепарь рождеству. и подающе другъ другу ядять и

¹ Грамота цареградского патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому // История русской церкви Макария, архиепископа Харьковского. 2-е изд., испр. СПб., 1868. Т. 3. С. 298-300.

² Патриаршая или Никоновская летопись... С. 223-229.

³ См.: Там же. С. 226-227.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Там же.

пють. и мнятся добро творяще. и хвалу темъ въздающе владычици чисти. Еуже есть бечствие и хула. виною рекше рожства. Не чсть се девици госпожи богородици. не бо есть сдесь творимое въ славу богу. и въ похвалу богородици¹.

Это место является не чем иным, как содержанием 79 канона VI Вселенского собора в Константинополе (690–691), который в латинском изложении звучит так:

Quando aliqui post Diem Natalem Ceristi Dei nostri reperiuntur coquentes simlam et se eanc mutuo dantes, praetextu scil. eonoris secundinarum impollute Virginis Matris, statuimus, ut deinceps neil tale fiat a fidelibus².

(Если кем-нибудь после дня Рождества Христова Бога нашего будет вариться мука тонкого помола и это будет подаваться друг другу под видом чествования родов Пречистой Девы Марии, постановляем, чтобы в дальнейшем никто такого не делал из правоверных.)

Речь идет, таким образом, об известной христологической полемике по поводу того, считать ли Богородицу Бого-родицей или же человеко-родицей, и о ереси арианского или несторианского толка: последняя считала Матерь Божью именно человекородицей. Отголосок этой полемики известен на Руси и в другом изложении:

Се буди всемъ ведомо яко несторий еретикъ. научи трапезу класти рожаную. мня богородцю человекородицю. Святииже отци лаодикийскаго сбора. слышавше от ангела. Зане богу нелюботворимое то. и святей богородици. Писаниемъ повелеша не творити то-го³.

Есть еще два очень показательных контекста рассматриваемого слова. Один из них находим в древнерусском «Слове св. Григория о том ... како первое погани суще языци кланялися идолам...» по списку рукописи XV в. Новгородской Софии (по мнению Н. Гальковского, сам памятник можно отнести к концу XIII в.; мы предполагаем, что это поучение восходит к XII в.⁴):

...Сего же не могутъ лишиити. наченше въ поганстве. даже и доселе. проклятого того ставления. втория тряпезы роду и рожаницямъ. на прельсть вернымъ хр(ес)тяном. и на хулу с(вя)тому кр(е)щению. и на гневъ б(о)гу по с(вя)темъ кр(е)щении череву работни. попове уставивша трепарь прикладати. р(о)ж(ес)тва б(огороди)ци къ рожаницьне тряпезе отклады деюще...⁵.

Трудно не согласиться с тем, что это место перекликается по лексике и по смыслу с предыдущими древнерусскими местами. Интересно, что эта перекличка обнаруживается даже в конце XVI в., когда митрополит Киевский Михаил в 1590 г. своей соборной грамотой осудил и запретил местный обычай, когда женщины приходили на второй день Рождества Христова в церковь с нарочито приготовленными по случаю родов Богородицы пирогами: «... и тежъ пироги на завтрие Рождества Христова, которые приносят до церквей, мняше въ честь Богородицы, еже есть велико безчестие и догмать безбожныхъ еретикъ, девая бо Богородица паче слова и разума нетленно роди»⁶. По-видимому, данная грамота

¹ Ср.: Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862. С. 86.

² Цит. по: Mansikka V.I. Die Religion der Ostslaven. I. Quellen. Helsinki, 1922. S. 157.

³ Ср.: Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности... С. 88.

⁴ Zubov M. I. Про відносну хронологію давньоруських пам'яток, спрямованих проти залишків язичництва // Слов'янський збірник. Одеса, 1998. Вип. 5. С. 57–62.

⁵ Ср.: Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. II: Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Зап. Моск. Императ. археолог. ин-та. Т. 18. М., 1913. С. 25.

⁶ Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 82 с дальнейшими отсылками.

является прямой реакцией на энциклику от 1589 г. патриарха Константинопольского Иеремии, которая осуждала украинцев, чествующих на второй день Рождества *полог* (т. е. роды) Богородицы и приносящих в церковь «семидалион, муку печену»¹. Кстати, обычай подобного чествования родов Богородицы бытует на западе Украины и сегодня.

Тем самым древнерусское слово *хула* следует расценивать в рассмотренном эпизоде как гипертекстовую ссылку (выражаясь языком современных компьютерных технологий) на известное каноническое постановление церкви. В случае с Феодорцем это слово является семантико-аксиологическим пиком в лексическом сгущении летописной богородичной темы, позволяя на фоне всей совокупности фактов предположить, что концептом слова *хула* в летописании является факт уклонения самозванного владыки в известное в истории христианской церкви еретическое течение.

Проанализированное место не является, очевидно, каким-то исключением для древнерусского способа ведения полемики, а скорее представляет проявление закономерности. Именно в связи с подобным А.Г. Кузьмин замечает, что важную роль в исследовании содержания древнерусских текстов играет та запальчивость, с которой авторы проводят ту или иную идею – значит, обязательно существовала определенная идейная противоположность, которая до нас не дошла².

С.В. Панченко

ХАНТЫЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В 1924 г. А.А. Дунин-Горкавич в предисловии к «Предметному библиографическому указателю печатных трудов по Тобольскому Северу» писал: «Начиная с 70-х годов прошлого века, изучение Тобольского Севера производилось как специальными экспедициями, так и отдельными лицами, в результате чего накопился печатный и частью рукописный материал, более 100 отдельных работ, освещающий в большей или меньшей степени почти все отрасли жизни края...»³. Источниками нашего исследования послужили 210 печатных работ, опубликованных в 1870–1930 гг., а именно монографии и статьи, посвященные как Сибири в целом, так и описывающие отдельные районы проживания «остяков» (хантов) по всей территории рр. Оби, Иртыша и их притоков. Этнографические исследования, статьи, отчеты об экспедициях, очерки, путевые заметки, записки разных авторов в большинстве случаев основаны на богатом полевом материале и содержат иноязычную лексику. Лексемы, язык-источник которых не имел письменности до 1931 г., приводятся в русской графике и представляют интерес с точки зрения адаптации хантыйских по происхождению слов в русском языке посредством функционирования в письменных текстах.

По степени освоения в текстах все хантыйские географические термины можно разделить по нескольким критериям на иноязычные вкрапления и заимствования. Первые существуют в письменных источниках в виде списка слов (хантыйское слово – русский перевод или наоборот) вне контекста или в виде вставок в тексте, написанных в кавычках или без, иногда в скобках. Иноязычные вкрапления всегда переводятся и вводятся в текст с поясни-

¹ См.: *Mansikka V.I. Die Religion der Ostslaven...* S. 157.

² Кузьмин А.Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. М., 1990. С. 8.

³ Дунин-Горкавич А.А. Предметный библиографический указатель печатных трудов по Тобольскому Северу [Предисловие] // Наш край. 1924. № 3. С. 36.